

И.В. Зайцев

Новые книги об исламе в Восточной Европе

Рахимзянов Б. Касимовское ханство (1445–1552 гг.). Очерки истории. Казань, 2009. Книга казанского историка, едва выйдя в свет, уже успела попасть в энциклопедические словари отдельной статьей¹. Автор разделил свой труд на три главы: «Тексты проблематики» (в которой рассматриваются источники и литература по теме — «первичные» и «вторичные» тексты, по терминологии автора), «Образование и устройство ханства» и «Политическая история Мещерского юрта второй половины XV — первой половины XVI в.». После известного четырехтомника В.В. Вельяминова-Зернова о касимовских царях и царевичах отечественная наука не знала монографических исследований этой темы. В отличие от фундаментального труда своего предшественника, книга Б.Р. Рахимзянова основана прежде всего на источниках русского происхождения. Образование Касимовского ханства, по мнению автора, не было добровольной мерой московского правительства: оно возникло в силу условий выкупа, который был обещан московским великим князем Василием II хану Улуг-Мухаммаду в 1445 г. после поражения московских войск под Суздалем. По своему общественно-политическому устройству оно было идентично другим позднезолотоордынским государствам (особенно, как пишет Б.Р. Рахимзянов, Казанскому и Крымскому ханствам) и было полностью независимым от Москвы в вопросах внутреннего управления. Вместе с тем внешнеполитическая жизнь Касимова находилась в руках московских великих князей. Начиная с 1530-х годов, последние начинают вмешиваться и во внутренние дела ханства, вводя в регионе элементы параллельной, московской администрации. Все это позволило автору определить статус Касимовского государственного образования как «вассальное ханство» (с. 93). Впрочем, согласно Б.Р. Рахимзянову, и «мнение о Казанском ханстве как о независимом государстве является по большей части историографическим мифом» (с. 135). По мысли автора, Касимову отводилась важная роль во внешнеполитическом курсе Москвы. «На все обвинения своих внешнеполитических оппонентов в притеснении мусульман, разрушении их устоев, обычаев, веры Москва

1 | Ислам в Центрально-Европейской части России: Энциклопедический словарь. Серия «Ислам в Российской Федерации». Вып. IV. Н. Новгород, 2009. С. 128.

смело указывает на присутствие прямо в православной Руси мусульманского государства, жители которого свободно придерживаются своей веры и установленных временем порядков».

На мой взгляд, книга Б.Р. Рахимзянова — вполне добротное исследование. И возможные упреки в адрес автора возможны не с точки зрения конкретных интерпретаций, хотя в книге есть ряд фактических ошибок. Так, крымский султан Япанчи назван одним из сыновей Менгли-Гирея (с. 133), тогда как в действительности он был его племянником (сыном брата Менгли-Гирея и его калги — Ямгурчи). Почему, например, в одном случае «черные люди» в русских источниках совершенно верно трактуются как определение ясачного населения (с. 86), а в другом месте текста под черным народом автор понимает не ясачников, а «казаков» (с. 77)? Можно ли делать вывод о том, что в Касимове в середине XVI в. процветала работоторговля (с. 88) на основании одного приведенного свидетельства о покупке «девки»? Но все это по большому счету мелочи, да и в какой книге таких ошибок нет? Очень важный и непроясненный в книге вопрос — сфера разграничения полномочий ханов и русской администрации. Так, автор пишет: «Касимов управлялся только мусульманской администрацией во главе с ханом или султаном» (с. 78), а на следующей странице: «Сам город Касимов первоначально относился к ведомству Посольского приказа» (с. 79).

Другое дело — методология. Методологией исследования, по словам самого автора, явился неопозитивизм (с. 9). При этом весь ход изложения и его логика свидетельствуют о том, что автор как раз совершенно чужд (нео)позитивистских настроений. Б.Р. Рахимзянов, например, начисто отрицает возможность и необходимость каких-либо источниковедческих процедур и критики текста. С его точки зрения, «приходится признать, что либо ты в целом доверяешь информации источников, либо отказываешься от попыток исторической реконструкции вообще» (с. 9). О получении какого позитивного знания, которое по-позитивистски только и возможно как результат отдельных специальных наук или их синтетического объединения, можно говорить, когда автор такие специальные науки (скажем, источниковедение) отрицает? В итоге — чистая «метафизика», вроде утверждения о том, что все фактические данные русских летописей заимствованы из какого-то одного первоисточника, определить который автор не берется (с. 16).

Мне трудно согласиться с утверждением (совершенно антинеопозитивистским) Б.Р. Рахимзянова, что «белые пятна», которые оставляет источниковое обеспечение работы, можно «закрывать» (т. е. «реконструировать историческую действительность», как пишет автор) «с помощью большого объема исследовательской литературы». Как это можно проделать, автор не демонстрирует. Это слабое место монографии Б.Р. Рахимзянова. Впрочем, если бы речь шла о диссертации на соискание ученой степени кандидата наук, я адресовал бы этот упрек не автору, а его научному руководителю.

Наконец, удивляет полное отсутствие и в тексте и в списке литературы всяких упоминаний о публикациях А.В. Белякова, многие из которых прямо касаются истории Касимова и частью подтверждают выводы автора, а частью противоречат им. Автор не может не знать о них, но, тем не менее, следов знакомства с ними в книге найти нельзя. О причинах этого можно лишь догадываться.

Интерес к истории Джучидских государств сильно возрос в последнее время и среди наших зарубежных коллег. В 2005 году в Болгарии вышла книга Георгия Владимирова, посвященная Казанскому ханству², а в 2008 в Стамбуле вышла работа историка из Измира Серкана Аджара о Касимовском ханстве (*Acar S. Kasim Hanlığı (1445–1681). İstanbul, 2008*). Насколько я знаю, это первое в турецкой исторической науке монографическое исследование о Касимовском ханстве. Трудно было бы ожидать от книги, написанной на основе только опубликованной литературы, какого-то прорыва, да и сам автор на такой прорыв не претендует. С. Аджар добросовестно изучил не только русскую историографию по теме (труды Н.М. Карамзина, В.В. Вельяминова-Зернова, Н.И. Шишкина и др.), но и (немногочисленные, правда) турецкие работы (Акдеса Нимета Курата, Ахмеда Зеки Велиди Тогана, Решида Рахмети Арата, Ахмеда Темира, Мехмета Сарая), которые у нас известны мало.

Любопытно, что многие положения монографии С. Аджара близки соответствующим идеям Б.З. Рахимзянова (при том что оба исследователя работали, безусловно, независимо). Ханство, по мнению автора книги, было основано Улуг-Мухаммадом в 1445 г. после победы в Суздальской битве для обеспечения безопасности западных границ Казанского ханства и расширения исламского присутствия в регионе. Однако после смерти Улуг-Мухаммада, вследствие усиления русского влияния, ханство превратилось в своего рода трамплин для захвата Московским великим княжеством степных просторов.

Разделы книги посвящены соответственно представителям различных династий на касимовском престоле: казанской, крымской, сарайской, казахской и сибирской. Шестой раздел (с. 191–203) повествует о государственном устройстве и социально-экономическом положении ханства, которые Аджар реконструирует, в основном пользуясь аналогиями с другими тюрко-татарскими государствами.

Несмотря на понятные и неизбежные ошибки и неточности (к числу важнейших я бы отнес употребление русских имен и терминов, вырванных из контекста в косвенных падежах, что должно сильно дезориентировать турецкого читателя), книга С. Аджара, будучи первым опытом истории Касимова на турецком языке, заслуживает внимания и будет полезна историкам России и Джучидских государств.